

37  
P45.

# ΡΕΦΟΡΜΑ.

166128

1950

1955

29 JUN 1960

PK

Регистра

166128

I.

79

-3/2-

СРРК 4291

Забайкальская коллегия  
Библиотека им. А.С. Пушкина  
ФОНД РЕЦИКЛИНГА

6018

Центр нижних  
параметров

## РАЗДЕЛ VII

### Основного Закона Дальне-Восточной Республики.

#### О народном образовании.

174. Республика ставит своей задачей предоставить всем ее гражданам, и в первую очередь трудящимся, всестороннее образование.

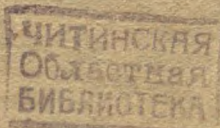
175. Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений и отправление религиозного культа во всех государственных, а также в общественных и в частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.

176. Устанавливается обязательное и бесплатное за счет Государства обучение для всех детей школьного возраста при социальном их обеспечении.

177. Во всех школах Республики вводится совместное для обоих полов обучение.

178. Образование и воспитание во всех школах Республики должно представлять единую систему, объединенную общностью целей, преемственностью содержания и основанную на трудовых принципах преподавания.

179. Всем национальностям Республики предоставляется право организации обучения на своем родном языке.



#### Общая часть.

##### 1.

Мертвой и бесплодной страной лежала в середине старого мира дореволюционная Россия.

День за днем сочилась серая, надрывная жизнь, сохли мускулы, сгасали надежды, блекли и увядали крылатые огневые порывы.

Где-то в мутной мгле городов стояли огромные библиотеки с толстыми, покрытыми „священной“ пылью фолиантами, горели, как солнца, прекрасные здания театров, наполняемые по вечерам пудрой, бриллиантам и лысыми;

умирал от скуки, томился в прохладных залах музеев редкие экспонаты; бледнея от одиночества, грустно блекли и отцветали в картинных галереях прекрасные произведения искусства.

Катились нездоровые волны... и тысячи—сотни тысяч учащихся, слабых, как бледные растения подземелий, смертельно скучая, нервничая и раздражаясь, проходили холодные и мертвые, как департаментские мундиры, коридоры средней и высшей школы. Ни один живой звук не нарушал липкую сонную муть; ни один порыв свежего полевого ветра не волновал тухлую серую заводь; плотными стенами отгорожены были школы от жизни, и только где-то там, в конце коридора, белесовело жидкое небо—начало карьеры, сытой жизни — отдых от бесцветной, бессмысленной зубрежки.

Оторванные от жизни, от живого творческого труда, от непосредственного общения с природой, скованные сухой, формальной постановкой всего дела, гнетом наказаний, отметок, экзаменов, день изо дня ставимые лицом к лицу с педагогами — людьми им чуждыми и враждебными,— учащиеся теряли всякий интерес к школе и к знанию, в большинстве случаев покорно влача, как стадо баранов, подъяремное мертвящее бытие.

А на широких, однообразных равнинах России, в убогих деревнях сидели в мутных и душных школах крестьянские дети. Учились грамоте, зубрили молитвы.

Бесправные, малограмотные, обреченные на полуголодное существование приезжали на тряских телегах забитые и запуганные сельские учителя и, сами знающие мало, сами искалеченные такою же школою, продолжали калечить в свою очередь доверчивую детвору. Нередко гнусавый голос дьяка или резкий окрик писаря раздавался в «священном месте», ибо чем хуже был учитель, чем более он был забит, чем он менее знал и хотел знать, тем выгоднее было старому строю.

Где-то на задворках лежало дело народного образования и случайные крохи, падавшие с барского стола, шли не на улучшение этого дела, а на укрепление тех сил, которые направляли его по „надлежащему“ руслу; бдительное око администрации следило неуспянно и неустанно.

Оторванная от городов низшая „простонародная“ школа обрывалась непроходимым провалом, и только единицы из «кухаркиных» детей силами своей напряженной воли пробивали трясину, вгрызались в среднюю школу, впутывались в серые ряды подневольных учеников и плелись вместе с ними по душному, тухлому коридору... пока, наконец, выжатые, как лимон, высохшие, как мумии, в шорах гнетущих воспоминаний сырых и липких стен, не выбрасывались в жизнь с беззубой волей, с облысевшей душой, с трухлявым, золотушным характером.

Покорный, безличный чиновник и тупой, невежественный раб—фабрикаты старой школы, надежная опора бывшей царской власти.

## 2.

Но живые весенние соки бурлили где-то под почвой; в народных глубинах пробивалась родниковая вода; на бескрайних равнинах расправлялись стальные мускулы; в дыму и угаре фабрик и заводов, словно горы, пылали разгневанные сердца... и грянула Революция. Огневые буруны взвились на паперти старого мира. Красная соха революции вспахала дряблое, прогнившее тело. Рухнули тухлые ульи серого быта. Пламенные вихри оплели старые устои, и освобожденный народ сам своими мускулистыми руками приступил к созданию своей новой прекрасной жизни. Насторожились старые государства Европы; словно гигантским „муравьевским“ галстухом, ядовитым спрутом окружили восставшую страну.

Огромная секира отделила от ее единого тела огромную окраину, и историческая необходимость наименовала ее Дальне-Восточной Республикой.

В тяжких муках рождалась молодая государственность. Интервенция и реакционные силы, поддерживаемые ею и потому имевшие некоторую значимость, явили всему изумленному миру необычайную эпопею партизанской борьбы. Крылатые дерзания, великие жертвы расчистили пути к Учредительному Собранию, и 26 февраля 1921 года, в день принятия декларации независимости, Дальне-Восточная Республика обратила на восток свое мужественное, гордое, овеянное любовью и преданностью всего трудового народа, лицо.

Подходила пора горячей органической работы. Чувствовалось и было осознано всеми, что годы гражданской борьбы, проклятые годы интервенции, разрушили в конце все отрасли государственной жизни, что придется при катастрофическом финансово-экономическом состоянии Республики, при отсутствии денег, продовольствия, налаженного финансового и налогового аппарата, при разрушенных зданиях — строить из ничего голыми руками жизнь.

Выработав Основной Закон, Учредительное Собрание окончило свои работы, тяжесть проведения в жизнь конституции возложив на Правительство и Совет Министров.

Крайне тяжелую и мучительную картину представляло из себя дело народного образования Республики.

Самые разнообразные типы школ, необычайная пестрота и несогласованность в постановке дела народного образования, отсутствие определенной системы — были характерным явлением к началу работ Министерства Народного Просвещения после Учредительного Собрания.

В Прибайкальской области и в восточной части Забайкальской области проведено было в жизнь положение об единой трудовой школе Р. С. Ф. С. Р., в Амурской и части Приморской областях школьное строительство шло в направлении построения трехступенной единой школы; в частях Забайкальской и Приморской областей в своей неизбежности все еще были и костенели учебные заведения старого дореволюционного времени со всей их специфической обособленностью, оторванными программами, схоластическими, косными методами преподавания.

Предоставление всем гражданам Республики, и в первую очередь трудящимся, всестороннего образования; единая система образования и воспитания, объединенная общностью целей и преемственностью содержания и основанная на трудовых принципах преподавания; светскость школы; совместное для обоих полов обучение, обязательное и бесплатное, — вот те основы, которые оставлены были нам Учредительным Собранием (Разд. VII, ст. ст. 174—179 Осн. Зак.) и исходя из которых мы должны были приступить к школьному строительству в Дальне-Восточной Республике.

Естественно, что не все слои населения в одинаковой степени откликнулись на призыв к строительству единой школы. И некоторая часть общества, и родители в своей массе, и определенная категория педагогов, всю свою жизнь проработавшая в затхлых стенах старой школы, долгое время подозрительно и порой враждебно относились к новым начинаниям. Все еще в сознании их путалось основанное на очевидном недоразумении убеждение, что единая школа есть школа советской власти, и своеобразный „политический“ момент привносился напрасно и нелепо в великое дело школьного строительства.

Наивные и отсталые, они не знали или забыли о том, что идея единой трудовой школы не идея вчерашнего дня, что горячие зарницы живой испытующей педагогической мысли уже давным давно прозрели ее великую сущность, что начало ее относится еще к XVIII веку, что многие государства Западной Европы уже восприняли и осуществили ее (Норвегия, Швеция, Соединенные Штаты, Швейцария), что даже в старой царской России вопрос этот на всех земских съездах по народному образованию был предметом самых горячих обсуждений. В тине тогдашней зачумленной жизни время от времени уже вспыхивали лихорадочные пламенники трепетных исканий, и лучшие люди безуспешно, но... рвали и рвали тенега мертвящей и гибельной старой школы.

Единая школа—это открытая и свободная лестница от преддверья школы—детского сада—и до высшей школы, одинаковая для всех возможность вступления, прохождения и окончания образования безо всяких препон и рога-ток, одинаковая возможность для детей всех классов и положений, проходящих через единую общую школу и уничтожающая тем самым ту разностность и то объединение, которое так резко рассекает до сего времени современное нам общество.

Вместе с уничтожением старой школы с ее многоликкой и многообразной структурой должны были отмереть и старые методы преподавания.

Школа, органически связанная с жизнью, вовлеченная в непрерывную, бессменную череду трудовых процессов, с первых шагов выводящая ребенка на улицу, в поле, в музей,—должна была отныне прочно внедриться в народную почву.

Трудовые процессы, животворно влияющие на психику ребенка, активно претворяющие гибкий и послушный материал детской восприимчивости в полезную культурную силу, должны были в новой школе иметь доминирующее значение.

Правда, революция еще не окончена. Огневой водоворот все еще бурлит и пенится, и идея единой школы, живая и радостная для сегодня, быть может завтра будет пересмотрена: вскроются новые перспективы, выявятся новые возможности, и она, сегодняшняя идея, завтра может стать лишь средством для осуществления новой задачи, для раскрытия и воплощения новой идеи; но все же и из нее, из идеи нашего сегодня, мы не можем не хватать жадными руками то, что безусловно ценно и вечно, и потому: установление органической связи с жизнью, самостоятельности, творческий труд,—это то, от чего мы не можем отказаться и закрепить что обязаны мы сегодня. Пронизанная жизнью, вовлеченная в непосредственную связь с явлениями жизни, путем наглядности, самостоятельности, активности ведет единая школа ребенка от первого года до последнего, сообщая ему знания, озаренные живым смыслом, приучая его к труду, утвержденному им самим, формируя из него человека, не мертвый формуляр, а действительного участника новой жизни.

Являясь единой для всех возможностью получить одинаковое со всеми образование, единая школа отнюдь не является пресным и стылым шаблоном, убивающим возможности раскрытия и развития отдельных дарований. Единая школа—не школа—казарма, не школа—однотип. На единой лестнице могут и должны быть многие ответвления: этого требует многообразие склонностей и дарований, этого, наконец, требуют и интересы самого государства.

Таким образом, единая, свободная, органически связанная с жизнью школа, углубленная значимостью непрерывных трудовых процессов, в согласном коллективе творящая живое дело, вырабатывающая характеры и воли, ведущая вперед свободным, самостоятельным и чутким преподавателем—должна была прийти и занять место старой отжившей школы.



Полное безматериалье, безденежье, трухлявые, давно не ремонтировавшиеся школьные здания, отсутствие пособий, бумаги, карандашей, всего самого необходимого, а—главное—недостаток преподавателей, надлежаще подготовленных,—все это делало предстоящую работу чрезвычайно трудно осуществимой.

Пятьдесят процентов школ пустовало из-за отсутствия учителей; остальные пятьдесят процентов обслуживались учителями неподготовленными, с малым образовательным цензом, без достаточного знакомства с основами единой школы, без запаса надлежащих знаний для проведения новых повышенных программ, без необходимых трудовых навыков воспитания и обучения.

Трудности путей сообщения, неналаженность связи с местами, захват Приморья,—все это, в свою очередь, тяжелым бременем ложилось на организационную работу, и хотя все время жива была мысль и сознавалось отчетливо и ответственно, что в наше изумительное время великих сдвигов и потрясений, в дни, когда с корнем вырываются старые устои, дело народного образования должно быть поднято на небывалые высоты, что на этот самый важный и боевой форпост Революции должны быть брошены лучшие силы страны, что для нас не должно быть безразлично, кто идет за нами, ибо от заботливого разрешения вопроса о постановке дела народного образования в значительной степени зависят и судьбы нашей революции и судьбы идущих на смену нам, ибо на плечи их, быть может, выпадут обязательства непомерные,—несмотря на эту мысль и это сознание, на чувстве этой ответственности уже видно было, что молодая Республика, только что поднявшаяся на ноги, бессильна будет справиться с делом народного образования в такой степени, как оно этого требует.

С мест неслись телеграммы, говорящие о стихийной тяге самого населения к образованию, о создании и здесь, и там, и повсюду новых культурно-просветительных очагов, о широко обдуманых планах, о размахистости школьной и внешкольной сети и... об открытии кредитов, о переводе денег. Школьные здания разрушались. Изголодавшиеся, измученные учителя разбежались или влачили жалкое бескрылое существование.

Известия, говорящие о действительном энтузиазме, сменялись криком отчаянья и безнадежности.

Разность подхода к самой реформе школы, разность настроений и готовности жертвовать приводили на местах к конфликтам и разнобою. Не было спайки среди учительства. Разгоралась свара между союзом работников просвещения и отделами народного образования. В Верхнеудинске уездный отдел враждовал с союзом работников просвещения. В Чите отмежевались две взаимно неприязненные группы учительства. В Благовещенске между союзом и областным отделом была объявлена определенная война.

Недостаточное и без того количество школьных зданий уменьшилось вследствие захвата их учреждениями, никакого отношения к Министерству Народного Просвещения не имеющими. Так, по сообщениям с мест, в Чите были заняты военным ведомством быв. духовная семинария, бывш. духовное училище, бывш. миссионерское училище, бывш. гимназия Кашперовой и Молчановой,—партшколой—бывш. епархиальное училище. В Верхнеудинске военным же ведомством были заняты бывш. мужская гимназия, бывш. 2-е высшее начальное училище. В Благовещенске тем же ведомством были заняты: бывш. духовная семинария, бывш. женская гимназия, бывш. епархиальное училище и т. д. В период организационной стройки новой школы такое явление должно расцениваться, как совершенно недопустимое, наносящее ущерб интересам всего государства.

---

## **Это была демоверсия книги - Реформа / Общество народного просвещения Дальне-Восточной республики.**

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34